
ЗАПИСКИ
ВЕТЕРИНАРНОГО
ВРАЧА ИЗ ПРИЮТА

Елифранцева А.Н.

Анна Елифанцева
Записки ветеринарного
врача из приюта

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68883906
ISBN 9785005946034*

Аннотация

Вы когда-нибудь задумывались о том, как выглядит работа ветеринарного врача в приюте для бездомных животных? Приглашаю вас в небольшое путешествие ко мне на работу. Вы увидите всё моими глазами, узнаете, что я думаю о том, с чем приходится сталкиваться. Почему однажды, десять лет назад, я бросила свой бизнес и перешла в приют. А ещё о том, почему моя работа мечты оказалась с двойным дном.

Содержание

Анна Епифанцева	5
Предисловие	5
Глава первая	8
ВЕТВРАЧ В ПРИЮТЕ	8
Мечта с двойным дном	9
Наш приют	13
Ассистент	18
Один день из жизни ветеринарного врача	29
Трудные клиенты	35
Гуманисты	44
Глава вторая	47
СОБАКИ	47
Какие они	48
Приют – дом – приют	59
Приют – улица	63
Блэк. Гонки по вертикали	68
Давайте отрежем Пальме хвост	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Записки ветеринарного врача из приюта

Анна Епифанцева

© Анна Епифанцева, 2023

ISBN 978-5-0059-4603-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анна Епифанцева ЗАПИСКИ ВЕТЕРИНАРНОГО ВРАЧА ИЗ ПРИЮТА

Предисловие

Однажды жарким летним днём две тысячи десятого года я попала на мероприятие, организованное приютом для бездомных животных. Там проводили конкурсы собак – выбирали самую послушную, самую красивую, самую быструю и ловкую. Испытания несерьёзные, с участием детей, волонтеров и собак из приюта.

Я просила, чем могу помочь, и когда волонтеры узнали, что я ветеринарный врач, сказали, что им нужна стерилизация кошек. Я согласилась. В то время у меня была своя ветеринарная клиника; я забирала из приюта по одной кошке, оперировала и возвращала обратно. А потом оставила бизнес и перешла работать в приют. Оборудовала небольшой веткабинет и все процедуры проводила уже на месте, никуда не уезжая. Не успела оглянуться, как прошло больше десяти лет.

Признаюсь, несколько раз я порывалась уйти из приюта, бросить всё куда подальше и бежать, не оглядываясь, со всех ног. Я могла бы найти себе другую работу – более чистую, в престижной клинике, без ежедневной нервотрёпки, быть уважаемым врачом. Я даже совершала несколько таких попыток. Но почему-то каждый раз упорно возвращалась сюда, в приют к бездомным кошкам и собакам.

Почему это происходит, я сказать не могу. Но что-то тянет вернуться. Пусть здесь много трудностей, много боли и страданий, особенно когда понимаешь, что не можешь в этих условиях полноценно помочь тем, кто в этом нуждается.

Бывают и эмоциональные срывы, куда же без них. Периодически требуется сделать перерыв, поставить жизнь на паузу, чтобы выдохнуть, провести перезагрузку, набраться сил жить и работать дальше. Профессия врача опасна нервным напряжением, а работа ветеринарным врачом в приюте несёт двойную нагрузку.

Кто-то расслабляется с помощью алкоголя, кто-то впадает в депрессию. Я же решила поделиться с вами тем, с чем сталкиваюсь регулярно в своей работе. Не волнуйтесь: слишком страшные сцены из своей практики я в книгу не включила, решила поберечь ваше психическое здоровье. Но даже то, что оставила, может оказать на неподготовленного читателя сильное воздействие.

Поэтому предупреждаю сразу: эта книга не для всех. Если вы очень эмоциональны и впечатлительны, если не перено-

сите запаха и вида крови, если вас корёжит от описания лечебных манипуляций и оперативных вмешательств, если вам неприятно видеть на страницах книги названия внутренних органов, то лучше отложите мои рассказы и почитайте другую литературу, поберегите себя. А если вы смелый человек и не боитесь посмотреть на работу ветеринарного врача моими глазами, то присоединяйтесь – я вам многое покажу и расскажу.

Некоторые вопросы в этой книге останутся без ответа. Может быть, именно вы сможете помочь бездомным животным? Тогда я буду очень рада, от того что писала всё это не зря.

Ну что же, начнём? Вы готовы? Тогда поехали.

Глава первая

ВЕТВРАЧ В ПРИЮТЕ

Мечта с двойным дном

В профессиональной среде принято считать, что в приютах работают практиканты, которым надо набить руку на бездомных кошках и собаках, потренироваться на том, кого не очень жалко, – а потом, набравшись опыта, можно смело идти в приличную ветеринарную клинику. Есть и другая версия: в приют приходят врачи, которые не могут найти себе достойную работу, спившиеся бездари. Это всё неправда.

Я, например, обычный ветеринарный врач широкого профиля. Иногда вношу существенные поправки в назначения коллег из клиник. Более того, сама успела поработать в разных ветеринарных клиниках, пока жизнь не привела меня в приют.

Впрочем, я прекрасно понимаю, что далеко не каждый врач хотел бы очутиться на моём месте. Все рвутся в престижные крупные ветклиники, где созданы условия для качественной и полноценной работы. Там, в отличие от приюта, всегда чисто, работают целые бригады врачей, есть современное оборудование для диагностики, операций и реабилитации животных.

Но мне ближе другое. Я иногда сама себе напоминаю доктора Айболита, который помогает животным в не самых подходящих условиях и при этом делает для них всё, что в его силах.

В обычной ветеринарной клинике львиную долю рабочего времени врач посвящает общению с владельцами. Надо выяснить, что случилось с животным, убедить провести необходимые исследования, обосновать назначения, рассказать, что и как делать дома. Часто приходится на пальцах объяснять, как дать таблетку, как набрать нужное количество лекарства, как сделать укол. А самое главное и трудное – это объяснить хозяину кошки или собаки, что волшебных таблеток не бывает, что нужен курс лечения и что врач – это не господь бог, он не может гарантировать выздоровления. Что хорошие препараты дорогие и подешевле никак, и что да, нужно еще раз прийти в ветклинику на повторный осмотр. А потом врачу приходится выслушивать причитания владельца: как сейчас всё дорого, и что эти животные забирают последние деньги, и что ему самому, бедолаге, скоро есть будет нечего.

В приюте, несмотря на сложности оказания квалифицированной лечебной помощи, для меня есть одно огромное преимущество: здесь я могу полностью посвятить себя работе с животными, ради чего я и выбрала эту профессию.

Но всё не так просто, и моя работа мечты оказалась с двойным дном. Что мне мешает наслаждаться своей деятельностью? Об этом вы узнаете из дальнейших рассказов, а сейчас я скажу лишь так.

Представьте себе, что вы любите детей. И не только своих, а вообще всех детей. А уж малышей ну просто обожаете. Вы

умеете с ними обращаться, знаете их потребности и проблемы, понимаете их эмоции. Представили? Отлично!

А теперь представьте, что вы пошли работать в детский дом или в дом малютки, где находятся брошенные детки. Самые несчастные в мире малыши. Они отчаянно нуждаются в контакте со взрослым, в заботе, в помощи, в том, чтобы их брали на ручки, успокаивали, качали, нянчили. А в детском доме одна нянечка на тридцать детишек. Она физически не может взять каждого из них на руки, даже если очень захочет. И несчастные маленькие человечки уже не плачут, потому что поняли, что бесполезно. Они сами себя обнимают, сами себя баюкают, мерно раскачиваясь из стороны в сторону.

Как долго вы смогли бы проработать в таком месте? Нет, точнее, вопрос в другом: как быстро вы бы убежали из этого места, чтобы не сойти с ума от жалости к малышам, от невозможности ничем им помочь?

Для меня детский дом – это средоточие боли и отчаяния. А приют для животных – некое подобие детского дома. Собакам и кошкам здесь живётся очень непросто по самым разным причинам, и главная из них та, что у животного нет хозяина. Нет значимого для него взрослого человека, рядом с которым собака или кошка будет чувствовать себя в безопасности. И это порождает множество проблем.

А я люблю собак и кошек. И мне просто их жалко. И я каждый день вижу, как им бывает тяжело, но ничем помочь

не могу. Находиться в этом эпицентре страданий трудно; особенно долго, без перерыва. Вот я иногда и убегаю на месяц. Выдохну, приду в себя и снова возвращаюсь на свою работу мечты.

Наш приют

Приют, в котором я работаю, негосударственный. Его организовали зоозащитники. Собрались вместе пятеро неравнодушных людей и зарегистрировали некоммерческую организацию. Взяли в аренду никому не нужный кусок земли с заброшенным домиком, провели свет и воду, а на территории построили несколько вольеров.

Если раньше подобранных на улице собак и кошек держали по домам, то теперь всех бездомных животных стали привозить сюда, в приют. Всё начиналось буквально с нескольких собак. Постепенно поголовье росло, и теперь у нас на попечении пятьдесят кошек и около двух сотен собак. Цифры неточные: кого-то получается пристроить в новый дом, а с улицы поступают новые бродяги.

Порой мне кажется, что наш приют как мировой фондовый рынок: что бы ни происходило, он постоянно и неуклонно растёт.

Перед нашей организацией всегда стоят две огромные и неразрешимые проблемы: где найти место для новой собаки и где взять денег на это безразмерное хозяйство. Сами мы не имеем права зарабатывать, и у нас нет постоянного спонсора, который покрывал бы все наши затраты. Поэтому приют постоянно с протянутой рукой и на краю полного банкротства. Иногда бывает буквально нечем кормить собак. Нет

денег, чтобы купить корм. Но всегда каким-то чудом удаётся выйти из опасного положения. Проводятся сборы через интернет, неравнодушные люди скидываются, кто сколько может, и животные не голодают.

***

Территория приюта поделена на две части. Одна половина занята вольерами, где живут по две-три собаки. Внутри вольерного круга есть маленький дворик, куда собак выпускают погулять раз в день. Вторая половина разделена бетонными стенами на квадраты, в каждом по четыре-пять собак. Они постоянно бегают по своему закутку, а при желании заходят погреться и поспать в будку. Но будок мало, и на каждую собаку не хватает личного маленького домика. В больших будках собаки могут уместиться по двое, но тут кто первый занял территорию, тот её и охраняет – не хочет делить «жилплощадь» с посторонними. Это приводит к постоянным стычкам, иногда очень кровавым.

Когда-то наш приют владел большим незастроенным участком. Там обитали самые вольнолюбивые наши собаки. Весь день они гуляли по территории, а вечером их запирали в вагончиках. Потом мы переехали, и собачьей вольнице настал конец. А жаль: если бы не тот пустырь, Блэк или Джой, например, не выжили бы в приюте. Но о них речь впереди.

***

Кошки, как более нежные создания, содержатся в доме.

В их распоряжении две комнаты: одна для взрослых здоровых кошек, другая для котят, а в третьей, под названием карантин, живут в клетках недавно поступившие: они проходят обследование, вакцинацию, обработку против блох, клещей и внутренних паразитов. Все больные кошки находятся в изоляторе.

Для животных приют – временный дом. Они здесь до тех пор, пока не придёт хозяин и не заберёт их. Вот только шанс дожидаться выпадает немногим.

***

Лай не смолкает ни на минуту. Стоит одной собаке подать голос, как возникает цепная реакция – и вот уже орут на все лады добрые две сотни глоток. От этого шума не спрятаться и не скрыться, от него буквально никуда не денешься. Выжить в таком дурдоме и не сойти с ума сложно.

Добавьте к этому частые драки. Особенно тяжело приходится обитателям вольеров и будок – животные ведь не обязаны ладить друг с другом. К тому же собаки любят копать норы, да и в чужие лезут с удовольствием. А потом делят логово, выясняя, у кого на него больше прав. Некоторые совершают подкопы в соседние загоны и ходят в гости. Но если новичков там не ждут, то бьются жестоко, нанося серьёзные травмы и калеча друг друга.

Отсутствие нормальных прогулок. Крошечный дворик переполнен запахами множества собак – больших и маленьких, сильных и слабых, а главное – чужих и незнакомых.

Тут невозможно как следует побегать, а ещё ведь надо найти укромное местечко, чтобы сходить в туалет. Новые условия жизни, непривычная еда, холод зимой и жара летом. Постоянное мельтешение незнакомых людей, которые часто меняются, к которым невозможно привыкнуть. И при этом безумно, до одури скучно!

Соедините всё это, и вы поймете, почему в приюте не бывает спокойных животных. От постоянного стресса у них меняется поведение. Кто-то становится неуравновешенным, другие заболевают, у третьих появляется стереотипия – собака совершает одни и те же бессмысленные действия, например ходит по кругу, изматывая себя.

Кошкам ничуть не легче. Из-за скученности и непривычных условий они испытывают хронический стресс, от которого снижается иммунитет, и животных начинают преследовать болезни. От кошачьей чумы, ринотрахеита, калицивируса и бешенства кошки получают прививку. Но иммунитет вырабатывается не всегда полноценный, поэтому даже от этих болезней кошка полностью не защищена. К тому же нам никуда не деться от хронических вирусных инфекций, которые могут дремать в организме и никак не отражаться на самочувствии, а со снижением иммунитета расцветают буйным цветом. Вирусная лейкемия, вирусный иммунодефицит, вирусный перитонит кошек, вездесущая микроспория, циститы, гепатиты, а еще травмы, расстройства пищеварения из-за непривычной еды... Наш изолятор редко бы-

вает пустым.

Многие животные пытаются приспособиться к новым условиям. Некоторые даже выглядят хорошо, хвостиком виляют и довольно урчат. Но всё равно жизнь в приюте не идёт ни в какое сравнение с жизнью дома, на диване, рядом с любимым хозяином. Хозяин даёт своему питомцу самое главное – чувство защищённости, которое крайне необходимо каждому живому существу.

***

В моем распоряжении две небольшие комнатки. В одной я осматриваю кошек и собак и провожу необходимые манипуляции, а в другой оперирую. Чаще всего это кастрация и стерилизация, но при необходимости я делаю и другие небольшие операции – что-то пришить, отрезать, зашить и тому подобное. Для серьёзных операций, когда требуются оборудование и бригада врачей, я отправляю животных в ветеринарную клинику.

В приюте одновременно работают трое дежурных. Если они замечают проблемы у какой-нибудь собаки или кошки, то ведут её мне на осмотр, а иногда ассистируют.

Роль добровольных помощников так велика, что я решила посвятить им отдельную главку.

Ассистент

Недавно я читала одному маленькому мальчику сказку про доктора Айболита. Помните, там в самом начале: «Добрый доктор Айболит, он под деревом сидит».

Стоп! Он же не просто так сидит под деревом, он там ведёт приём больных животных и там же оперирует, прямо как я. Нет, я, конечно, не под деревом это всё делаю, не на поляне с муравьями и комарами, но тоже в не особо подходящем месте и с минимумом оборудования.

Читаю я сказку, и стало мне интересно: как доктор Айболит работал один? У него же не было ни помощников, ни ассистентов. Всё сам. И поляну под деревом убирал, и инструменты мыл, и приём вел. А как одиночку оперировать? Ведь это жутко неудобно. Чтобы лапки зайчонку пришить, их сначала зафиксировать надо. Кровоточащий сосуд прижечь, зажим подать, лигатуру¹ отрезать. Да ещё за состоянием пациента следить: одному наркоза добавить, чтобы поспал покрепче и подольше, а другому, наоборот, реанимацию провести, чтобы просыпался скорее и не пугал врача падением кровяного давления.

Ассистент – это вторая пара рук и глаз врача. А если повезёт и попадётся толковый товарищ, то и дополнительный мозг – в сложных ситуациях он бывает просто необходим.

---

¹ Лигатура – нить для перевязывания кровеносных сосудов.

Обо всём этом я думала сегодня, когда в очередной раз сильно ощутила нехватку помощника. Кошка после стерилизации проснулась в особенно бойком настроении: лапами дергать она уже научилась, а мозги после наркоза к ней еще не вернулись.

Я отвязала от стола кошачьи лапки и попыталась надеть на кошку послеоперационную попону. Та выпучила глаза и начала усиленно вырываться из моих рук. Я поняла, что сама никак не справлюсь. Пришлось срочно звать на помощь дежурных.

– Тоня, помоги мне кошку подержать! – крикнула я в открытую дверь.

Хорошо, что на дворе лето: можно просто толкнуть дверь и позвать на помощь, и при этом тебя не заметёт снегом.

– Ага, иду.

Тоня зашла ко мне в кабинет. Она всегда помогает, если я её попрошу. Но у неё много своей работы, и поэтому я зову её только в экстренных случаях.

Тоня взяла кошку, а та, почуввав опору под задними лапами, как оттолкнётся да как подскочит! Прямо как заяц, только длинных ушей не хватает. Мы её еле-еле поймали в полёте.

– Ничего себе, что это она как кенгуру скачет? – теперь Тоня уже держала безумную кошку одной рукой за шкурку, а другой за задние лапы. – Эти кошки, что, все такие бешеные?

– Да это нормально, – сказала я, завязывая попону на пу-

шистой спинке, – у кошек после наркоза всегда идёт стадия возбуждения. Они могут дрожать, метаться, куда-то стремиться и при этом ничего не соображают. Мозги чуть позже встанут на место. – Я надела кошке попону и унесла буйного пациента в переноску отдыхать. – А однажды я видела кота, которого после кастрации положили в клетку. Другие ползали, как улитки по дну, и смотрели осоловелыми глазами, а этот точно безумный был – на каждый шорох реагировал. И знаешь, что он делал?

– Что? – Тоня удивленно смотрела на меня. – Бился головой о стену?

– Да, почти. Только не о стену, а об решётку. А клетка то железная. Так он себе всю морду в кровь разбил. Из носа уже пузыри кровавые, а он снова и снова... Немного отойдёт и со всей дури – бах мордой в прутья, и ещё раз, и ещё. Как будто специально убиться хочет. От рук шарахается и еще сильнее буйнит.

– И что же вы с ним сделали?

– Да ничего особенного, просто накрыли клетку большим пододеяльником, чтобы отгородить от внешнего мира. Кот постепенно успокоился. Вот и скажи, как мне одной работать, без помощника?

– А почему вам ассистента до сих пор не найдут?

– Так ему же платить придется. Бесплатно ведь никто работать не будет. А денег в приюте, сама понимаешь, нет. И даже если появятся, то есть дела поважнее: собакам ино-

гда на корм не хватает. Так что помощник – это роскошь.

– Да уж, – соглашается Тоня, – безденежье – наша вечная проблема.

***

Я уже помыла инструменты, когда ко мне подошла девочка. До этого я видела, как она приходила гулять с собаками, на летних каникулах таких желающих много приходит.

Радостные собаки мчатся со всех ног, высунув языки, а девочки-волонтёры трепыхаются на конце поводков, как бантики на ветру. Чтобы затормозить, им иногда приходится хвататься за деревья, благо лес начинается от самых ворот приюта.

И вот передо мной вырастает девочка, на вид лет шестнадцати, в руках поводок, на поясе сумка для лакомства – явно гуляла с собачкой.

– Анна Николаевна, здравствуйте. Можно мне прийти к вам посмотреть на операцию? – несмело произнесла она и запнулась.

– Ты точно уверена, что хочешь этого? Операция – это не аттракцион и не шоу для каждого желающего. На экскурсию я никого не беру.

Но девочка не ушла и, переминаясь с ноги на ногу, продолжала.

– Просто я хочу стать ветеринарным врачом. Я могла бы вам помочь.

А вот это уже совсем другое дело, подумала я, помощник мне очень нужен. Больше не придётся выходить во двор и орать во весь голос: «Люди! Ау, кто-нибудь! Подержите мне кошку для укола!»

– Хорошо, приходи. Сначала посмотришь, а если не испугаешься, то будешь помогать, я скажу, что надо делать, – ответила я девочке.

– Спасибо! Я завтра утром обязательно приду, – обрадовалась моя будущая помощница и убежала с подружкой.

На следующий день Карина с самого утра ждала меня возле кабинета.

– Ну что ж, заходи, – пригласила я её в свой закуток. Это в крупных ветеринарных клиниках есть просторная стерильная операционная. А у меня просто комнатка три на три метра. Обычный небольшой пункт стерилизации – даже не пункт, а пунктик.

В этой комнатке умещаются стеллажи с лекарствами, инструментами, бинтами, стерильными салфетками, нитками для шитья. В одном углу – шкаф с документами, в другом центрифуга, в третьем холодильник с вакцинами. А самое почетное место, в центре, занимает операционный стол. Вокруг него можно пройти лишь бочком. Даже не пройти, а протиснуться.

Карина встала около стола.

– Ты стой и смотри, – сказала я ей, – крови не боишься?

– Нет, – осторожно ответила Карина.

– Самое главное, в обморок не падай, а то мне некогда будет тебя откачивать. Не брошу же я кошку на столе.

– Нет-нет, всё хорошо. – Карина судорожно качнула головой.

Во время операции моя несчастная помощница была похожа на стойкого оловянного солдатика – такая же молчаливая и напряжённая. Она стояла по стойке смирно, не шевелилась и, похоже, иногда забывала дышать.

Я краем глаза следила за ней.

– Всё нормально? Не страшно? Не душно, голова не кружится, не тошнит? – Я заметила, что Карина немного побледнела.

– Можно я немножко посижу? – чуть слышно ответила она.

– Так, всё понятно, быстро на свежий воздух! Выйди и сядь в тень, подыши на ветерке!

Но Карина почему-то не торопилась выполнять мои указания. Она села на стул позади меня и не двигалась. Тогда я быстро накрыла операционную рану у кошки салфеткой и подхватила девушку под руку.

– Пойдем!

Карина шла очень медленно, еле переставляя непослушные ноги и всем весом опираясь на меня. Я вывела её за порог и усадила на стул, а сама резво поскакала за нашатырём. Смочила ватку и сунула отважной девочке под нос – нюхай. Смотрю, а лицо у Карины белое-белое и губы тоже белые.

И глаза закрыты.

– Эй, ты тут, с нами? – Я легонько похлопала её по руке.

– Да-да, всё хорошо, – еле слышно, одними губами, ответило будущее светило ветеринарной хирургии.

– Девочки, принесите крепкий сладкий чай! – крикнула я дежурным и, оставив своего ассистента на их попечении, бегом вернулась в операционную.

Кошка сладко спала, как медведь в зимней берлоге. Она не шевелилась, не сопела, было видно лишь, как равномерно двигалась грудная клетка в такт дыханию.

Я спокойно закончила операцию. Как же хорошо работать одной. Никто не стоит у тебя над душой, никто не отвлекает, не надо ни за кем следить. Работай себе спокойно, режь да зашивай. Благодать.

Положив кошку в переноску, я вышла на улицу. Карина сидела на стуле, склонив голову к коленям и обхватив её руками.

– Ну, как дела? – спросила я бодрым голосом.

– Карина больше не хочет становиться ветеринаром, – ответила её подружка, которая сидела на соседнем стуле.

– Вот как? Точно больше не хочешь быть ветеринарным врачом? – уточнила я у главной героини дня.

Карина ничего не ответила, лишь отрицательно помотала головой. А я подумала, что, может, и слава богу. Лучше сразу определиться и понять, твоё это или не твоё. Хуже, если понимание приходит после окончания института. А пока есть

время подыскать себе другую профессию.

Однако история имела продолжение. Через несколько дней упрямая девочка Карина снова пришла ко мне в кабинет.

– Я подумала, что погорячилась. Накрутила себе в голове. Возьмите меня к себе, разрешите попробовать ещё раз.

Да, если у человека есть призвание, оно толкает его по выбранному пути, и нет ни малейшего шанса сойти в сторону. Никакие трудности не будут преградой. Ты просто идёшь в своём направлении и даже не задумываешься, что можно как-то по другому.

Мы с Кариной договорились, что она пока не будет смотреть на операцию, а станет помогать мне иначе: подержит кошку для укола, привяжет ей лапки, помоеет инструменты, наберёт лекарство. И Карина с удовольствием принялась за работу. Вид крови на инструментах после операции её не смущал, – это уже был хороший знак. А чуть позже она научилась делать уколы внутримышечные, подкожные и даже внутривенные.

Во время операций она не смотрела на операционную рану, а нежно общалась с кошкой или собакой, поддерживала голову, уговаривала потерпеть. Удивительное сочетание любви к животным и тяги к лечению.

На самом деле, чтобы быть хорошим ветеринарным врачом, не обязательно любить животных. Можно быть преданным своей профессии, любить ветеринарию как науку

и быть отличным специалистом в своей области, принося этим огромную пользу всему живому. Больше скажу: чрезмерная любовь к животным может только помешать. Сиюминутно врач приносит страдание беззащитному существу, ведь уколы и операции – это всегда больно. Да, ты делаешь это ради спасения жизни, но непосредственно сейчас кошка или собака до ужаса тебя боится. Кроме любви к животным, надо иметь огромный запас мужества, особенно в сфере хирургии. Во время операции у меня на столе не кошка Мурка и не собака Жучка, которые требуют сочувствия к своей нелегкой доле, а просто пациенты и хирургическая задача, которую я должна выполнить. Если что-то пойдёт не так, я не кинусь утешать беднягу, а буду действовать решительно и с холодной головой. Именно тогда я смогу остановить кровотечение, правильно наложить лигатуру, ввести нужный препарат для стабилизации давления.

Надо уметь отключать свою любовь и не смешивать её с лечебным процессом. Если человек этому не научится, он так и останется просто любителем животных и врачом не станет.

Без хирургии в ветеринарии делать нечего. Если «человеческий» врач может выбрать узкую специализацию, то ветеринарный – обязан уметь обработать и зашить рану, сделать простую операцию, принять срочные роды. А значит, надо как минимум не бояться крови. Страх при виде крови – это врождённая реакция, преодолеть её сложно. Сначала у че-

ловека поднимается кровяное давление, чаще бьётся сердце: активизируется работа симпатической нервной системы. В противовес ей начинает работать парасимпатическая нервная система: сердечный ритм сокращается, сосуды расширяются, а если парасимпатика «перестарается», то кровь застаивается в нижней части тела и головному мозгу не хватает кислорода. Кружится голова, звенит в ушах, перед глазами летают мушки, всё как в тумане, на лбу выступает холодный липкий пот, сильная слабость. Бабах – человек в обмороке. В горизонтальном положении кровь до мозга доходит проще и быстрее, кислорода и питания хватает: природой всё предусмотрено.

Если вы боитесь вида чужой крови, то никому не причините вреда. Миролюбие – нужное качество для сохранения человечества как вида. Только вот хирургом вам не стать.

– Анна Николаевна, а вы от вида крови никогда не падали в обморок? – спросила Карина, пока мы привязывали кошачьи лапы перед операцией.

– Нет, никогда. Я даже не помню, когда первый раз присутствовала при операции и впервые увидела чужую кровь. Видимо, это не произвело на меня слишком сильного впечатления. Вот металлический стук инструментов до сих пор завораживает. Операция для меня всё ещё некое таинство, хотя я работаю врачом без малого двадцать пять лет.

Карина ещё долго мне помогала. Приходила на выходных и каникулах, ассистировала на операциях. Вид крови её

больше не пугал. Она стала моим самым надёжным и незаменимым помощником. А потом поступила в ветеринарный институт и сейчас усиленно грызёт гранит науки. Буду рада, если она придёт ко мне на практику, я многому смогу её научить. И с удовольствием поработаю с толковым ассистентом. Такой без напоминаний всё подготовит к операции, не забыв положить нужные инструменты; он знает ход операции, предугадывает действия хирурга и сам подаёт зажим, ножницы или салфетку; не стоит над душой, заглядывая врачу через плечо и дыша на ухо, не задаёт глупых вопросов в трудный момент. Хороший ассистент собран, не паникует и в непредвиденной ситуации точно и чётко выполнит указания хирурга. И ничего не перепутает.

Один день из жизни ветеринарного врача

Хотите узнать, как проходит мой обычный рабочий день? Тогда пойдёмте со мной, я вам всё покажу и расскажу.

Приезжаю я на работу утром, и сегодня первым делом поднимаюсь на второй этаж к кошкам: накануне вечером волонтеры ловили очередную беременную дикарку.

Я захожу в комнату под названием «карантин» – туда мы помещаем всех вновь прибывших. Кошка, за которой я пришла, сидит в клетке и всех боится. Она вжалась в угол, напрыглась и исподлобья смотрит на меня немигающим взглядом. Она явно считает меня врагом, и в чём-то она права: не по своей доброй воле она оказалась здесь. А я ещё тяну к ней руки и хочу сделать что-то явно недоброе.

Как брать и фиксировать диких кошек, которые впадают в панику от прикосновения рук и бьются в истерике, защищая свою жизнь, я расскажу в другой раз. Это отдельное умение, которое я оттачивала годами. А пока сажаю дикарку в переноску и спускаюсь на первый этаж в свой кабинет.

На улице сталкиваюсь с дежурными.

– Как дела, как обстановка, все живы-здоровы? – спрашиваю я их.

– Всё хорошо, только у Малыша повязка сползла, у Лоя дырка в боку и Лабра почему-то грустная и не ест, – посы-

пался на меня поток новостей.

– Ладно, поняла, чуть позже всех посмотрю.

Сначала я всегда делаю операции: это самая чистая часть работы. И только потом веду осмотр и лечение больных животных.

Вот и сейчас я приступила к операции. Кошка была на последних сроках беременности, с огромным пузом, похожим на мячик. Мы с дежурными аккуратно завернули её в полотенце, я сделала ей укол в вену, и она заснула. После операции кошка уменьшилась наполовину.

Проснулась она легко и быстро, я отнесла ее обратно в клетку отдыхать. Она уже почти пришла в себя, и я не беспокоилась за ее состояние. Пришла пора мыть инструменты и убирать их на хранение, других операций на сегодня не запланировано.

Ну что ж, теперь можно приняться за осмотр собак. Первым привели Молчуна. Он живет на «квадратах» – огороженных бетонными стенами небольших площадках.

Молчун где-то зацепился ногой и разрезал себе кожу в области плюсны: порез небольшой, но довольно глубокий. Несколько дней назад я зашила рану и сверху наложила повязку. Если он не будет разлизывать швы, то всё заживет примерно за неделю.

Но Молчун не такой! Он очень активный, суетливый, энергичный пес. Сейчас его перевели в дом и посадили в отдельную комнатку. Там ему совсем нечем заняться, и он от-

кровенно скучает, точнее, находит себе занятие – разгрызает повязку. Ему уже надели защитный воротник на голову, но он всё равно достаёт до ноги.

Вот и сейчас почти полностью разгрыз бинт. Я обработала швы перекисью водорода и забрызгала защитным антисептическим алюмиспреем. Забинтовала свежим бинтом и строго наказала Молчуну больше не трогать ногу.

Следующий пациент – Лой, старый толстый пес с вечно больным глазом. Дежурные увидели у него на боку кровь. На этом месте у него была небольшая папиллома, которую я рекомендовала не трогать: у старых собак часто вырастают множественные папилломы по всему телу, и они не причиняют им неудобства.

Теперь же папилломы у Лоя нет, лишь гладкое место и красное пятно. Куда же она делась? Видимо, он её съел и зализал ранку – вот вам и красное пятно. Мне ничего не остается, как обработать больное место и назначить антибиотики, чтобы остановить воспаление. Дальше будем наблюдать за Лоем, с ним часто случаются разные неприятности.

На очереди Лабра. Эта чёрная собака внешне очень похожа на лабрадора. Недолго думая её так и назвали – Лабра. Она живёт в доме, у всех на виду, в самых лучших условиях, потому что категорически не выносит других собак, просто терпеть их не может. Сегодня она почему-то решила стать грустной и отказалась от своей порции корма. При осмотре

я не выявила никаких отклонений. Слизистые розовые, выделений нигде нет, ран тоже нет, ни поноса, ни рвоты, температура нормальная, рот чистый, живот безболезненный.

Тогда я говорю:

– Так, Лабра, что происходит? Ты точно не хочешь кушать? А если я тебе предложу другую еду, повкуснее?

Беру баночку паштета, открываю и подношу ей под нос. Собака как учуяла «консерву», так вцепилась в банку зубами! Еле отобрали, чтобы в миску положить. К Лабре сразу вернулся аппетит. Она съела весь паштет и пошла закусывать своим кормом.

Что с ней было, почему она плохо себя чувствовала, пока осталось для нас загадкой. Будем наблюдать. Главное, чтобы собака не голодала. Не обеспечить питание пациента – значит уморить его голодом.

Ну что ж, с собаками покончено, у дежурных жалоб больше нет, пора идти к кошкам. Там своё отдельное царство.

Сначала захожу в комнату со здоровыми кошками. Некоторые сразу убегают, другие, наоборот, трутся о ноги, мурлычут, настырно лезут на руки. Многие просто лежат на своих полках и с высоты надменно наблюдают за происходящим.

Самая проблемная комната – изолятор. Сейчас в одной клетке живёт двухмесячный котёнок. Эту маленькую трёхцветную кошечку нашли в городе на газоне, она лежала под кустом и не двигалась. Мы назвали её Поночкой – такая она миниатюрная, нежная и худенькая. При осмотре я обнару-

жила у неё гематому на животе, между задними лапками.

Поночка – чистенькая, ухоженная, явно домашняя кошка, ластится к рукам, прижимается, доверяет человеку. Как она оказалась на улице, неизвестно. Самое неприятное, что у неё поражена центральная нервная система, а точнее головной мозг. Примерно раз в две минуты происходит судорожный спазм, начинающийся с головы и переходящий на передние лапы. Длится он недолго, несколько секунд, но приступы возникают очень часто и сильно изматывают малышку. У неё явно болит голова, она жалобно плачет и стала совсем слаба, не может нормально ходить.

Я подозреваю травму головы. Может, она выпала из окна или её кто-то сильно ударил. Мы не можем сделать этой крохе МРТ головного мозга, чтобы определить степень повреждений, поэтому пока обеспечиваем максимальный покой, хорошее кормление и симптоматическое лечение.

В другой клетке сидят сразу три котёнка, им по два месяца, и у них лишай. Кошки часто являются носителями микроспории. Грибок живёт на них, но никак себя не проявляет. При стрессе быстро падает иммунитет, и грибковая инфекция переходит в активную форму: мы видим симптомы болезни – округлые пятна без шерсти. В ультрафиолетовом свете эти пятна светятся ярким изумрудом. Очень красиво.

Нынешние малыши попали к нам сразу с лишаем. У них не было пятен, но, посмотрев на них под ультрафиолетовой лампой, я удивилась: красавцев можно было снимать в филь-

мах ужасов без грима – своими изумрудными мордами они напоминали инопланетян. Пока они были совсем маленькие, мы их только купали в специальном растворе, а как подросли до двух месяцев, начали давать таблетки. Без системного лечения микроспорию не вылечить. Малышам нужно принимать лекарство не меньше месяца. Потом снова посветим на них ультрафиолетом: если превратились в обычных земных котят – значит, здоровы.

После осмотра кошек можно немного выдохнуть. Сегодня обошлось без особых происшествий, это уже хорошо.

Трудные клиенты

Я уже писала, что, работая в приюте, меньше общаюсь с клиентами, чем обычный ветеринарный врач в клинике. Домашних животных приют не принимает, и я их не лечу.

Однако за небольшую плату владельцы могут стерилизовать своих питомцев. Часть таких операций я делаю и вообще бесплатно, потому что вот уже три года мы выигрываем президентский грант на стерилизацию животных. Через мои руки проходят сотни и тысячи собак и кошек и столько же их владельцев. А с людьми, признаюсь, гораздо тяжелее, чем с кошками и собаками. Ну, мне, по крайней мере. Потому что люди встречаются самые разные.

Расскажу вам забавные – а иногда и не очень – истории про звонки и сообщения владельцев четвероногих. Не подумайте, что все мои клиенты такие, просто запоминаются чаще те, кто рассмешил, удивил, ну или разозлил.

***

– Здравствуйте. Мы привезём кобеля на кастрацию. Вы можете сразу удалить ему лишние ноги?

– Что, простите, я должна ему удалить?

– Ну, ноги лишние. Сможете?

Тут возможны два варианта. Либо звонивший человек прикалывается, либо он волнуется и забывает слова. По тону

и голосу явно выходит второй вариант. Но я не могу удержаться:

– У вашего кобеля выросла пятая нога? Или шестая тоже? Он мутант? Может, его поместить в кунсткамеру? Или всё-таки ему надо удалить прибылые пальцы?

– Да, да, пятые пальцы, конечно. – Звонивший человек наконец собирается с мыслями.

– Пальцы удалю, а ноги оставлю, даже если выросли лишние.

***

Чуть ли не каждый день я встречаюсь с таким вопросом:

– Вы девочек стерилизуете?

Иногда я терпеливо спрашиваю, кого человек называет своей девочкой: кошку или собаку. Но если устала, могу ответить и так:

– Нет, девочек я не стерилизую, это вообще не ко мне. Я оперирую только животных. Людьюми не занимаюсь.

И вот тогда выясняется, что владелец интересовался стерилизацией кошки или собаки.

***

Некоторые, видимо начитавшись страшилок из интернета, спрашивают в тревоге:

– Вы у кошек из живота всё удаляете или только трубы перевязываете?

Тут я тоже иногда не могу удержаться и отвечаю так:

– Нет, я не всё удаляю из живота, кое-что оставляю. Печень не трогаю, селезёнку, кишечник. Там много всего остаётся. Вы хотите, чтобы я убрала всё полностью, оставила пустое брюхо?

– Нет, конечно, – отвечает владелец.

Понятно, что он имеет ввиду удаление матки и яичников. Вот только я порой удивляюсь: произносить нецензурные слова язык поворачивается практически у каждого, а называть внутренние органы, которые изучали в школе, – суперсложная задача.

Вот люди и мнутя, придумывают что угодно, ищут обходные пути, лишь бы не называть вещи своими именами.

***

А иногда человек употребляет медицинские термины, но так, что я их с трудом узнаю.

– Скажите, кастрация кота – это полосовая операция?

Во-первых, правильно говорить «полостная». При операциях этого типа необходимо проникнуть в грудную или брюшную полость. Если вы помните уроки биологии в школе, то знаете, что в организме – хоть у людей, хоть у собак, хоть у кошек – есть именно эти две полости.

Во-вторых, при кастрации удаляются семенники, которые находятся в мошонке. Вы все их видели, они свисают двойным мешочком между задними лапами. Знаете, почему природа вывела их из брюшной полости? Для охлажде-

ния. Внутри тела слишком жарко для созревания и хранения сперматозоидов. Поэтому вскоре после рождения семенники из брюшной полости опускаются в мошонку.

Но иногда этого не происходит. Тогда перед нами – крипторх. Односторонний, если один семенник опустился, а второй нет; или двусторонний, если оба семенника остались в брюшной полости. Вырабатывать мужские половые гормоны они смогут, а полноценные сперматозоиды – нет. Поэтому крипторхи не дают потомства. Но половое поведение проявляют в полной мере, и для их кастрации требуется полостная операция.

***

Многие переживают за своих питомцев, волнуются перед операцией. Это понятно, как же не волноваться. Даже обычная кастрация или стерилизация – рискованное мероприятие. И я не устаю повторять, что врачи не боги. Ни один врач не может вам заранее ничего гарантировать.

Я могу обещать, что буду стараться изо всех сил, буду внимательно и бережно относиться к животному, но ручаться за исход операции не могу – просто потому, что передо мной живое существо, а не телевизор, в котором можно заменить сломанную деталь и дать гарантию.

Но некоторые хотят именно гарантий. Особенно странно это звучит в отношении бездомных животных. Поймает человек дикую кошку и пишет мне:

– Кошка бездомная, дикая и очень худая. Если вы возьме-

тес её стерилизовать и уверены, что она выдержит, то я её вам привезу.

– Нет, не надо, не привозите, – только так я и могу ответить.

Потому что всё никак не овладею экстрасенсорными способностями и не могу знать, здорова эта кошка, которую я даже не видела, или нет, почему она худая, сколько ей лет и что с ней вообще происходит. О каких гарантиях может идти речь?

***

Пишет женщина, хочет стерилизовать кошку.

Я её записала, скинула описание, как подготовиться к операции и как нас найти. И тут на меня посыпались вопросы.

– А какой у вас наркоз?

Как ответить? Написать название препарата или из какой он группы? С премедикацией или без? Попробуйте человеческому хирургу перед операцией задать такой вопрос и посмотрите реакцию.

Поэтому я просто ответила, что наркоз внутривенный. Но клиентка не унималась:

– А сколько времени кошка отходит от наркоза?

Тоже вопрос не на пять минут. Всё зависит от того, что вы имеете в виду. При внутривенном наркозе я рассчитываю дозу так, чтобы кошка спала ровно столько, сколько длится операция. Чем больше доза наркоза, тем дольше сон и тем сложнее просыпаться, труднее восстанавливаться.

Кошка просыпается тогда, когда я закончила операцию, сделала уколы и несу её в переноску. В это время она начинает поднимать голову, смотреть по сторонам, но полностью своим телом не владеет и ничего не понимает.

В течение ещё трёх часов она будет неадекватна: может дрожать, метаться, куда-то стремиться, резко реагировать на малейшие шумы и прикосновения – бегать, прыгать, падать. Голова включится только часа через три.

После этого ещё пару дней кошка будет вялая и с плохим аппетитом. То есть полное восстановление от наркоза происходит в среднем на третий день. Но тут всё индивидуально и во многом зависит от возраста, состояния здоровья и индивидуальных особенностей организма.

– А почему кошка так быстро отходит от наркоза? Слабый наркоз? – неугомонная женщина продолжала забрасывать меня вопросами.

Видимо, ей казалось правильным, что кошка после операции ещё сутки лежит дома тряпочкой. Но меня это не устраивает. Когда я отдаю животное, я должна быть уверена, что кошка очнулась от наркоза. Выдавать глубоко спящего пациента нельзя, каждый должен просыпаться под контролем врача.

А про слабый наркоз даже говорить не хочется, настолько это дилетантский вопрос. Потому что нет никакого слабого наркоза, так же как и сильного нет. Есть разные препараты с разным типом действия, есть доза лекарства, и есть па-

циент со своими индивидуальными особенностями. Вид животного, его пол, вес, состояние здоровья, наличие аллергии и непереносимости определённых препаратов делают каждую операцию уникальной.

Вывод из всей этой ситуации такой. Не забивайте себе голову вопросами, в которых не разбираетесь. Идите на операцию к тому врачу, которому доверяете.

***

Звонят мне не только по поводу стерилизации. Иногда спрашивают врачебного совета.

Вот свежий пример. Собака на днях родила. Промолчу о том, почему владельцы допустили нежелательную беременность, куда они смотрели и о чём думали, когда спускали с поводка течную собаку.

После родов всех щенков убрали. Тут во мне всё закипает – как будто огненная лава поднимается к жерлу вулкана, готовая вот-вот выплеснуться. Но я сдерживаюсь: кто я такая, чтобы учить людей гуманности? Хотя так и хочется сказать:

– Не жалко маленьких щенков, так пожалейте хоть собаку, оставьте ей одного малыша. Дайте ей возможность реализовать свой материнский инстинкт. Она уже родила его в муках, у неё есть всепоглощающая потребность кормить его, заботиться, оберегать. Она уже мать. Дайте ей хотя бы возможность нормально восстановиться физически. Одного

щенка будет вполне достаточно.

Но нет. Мои советы никому не нужны. Всех щенков уже ликвидировали. А вопрос у людей такой:

– Собака почему-то всё время скулит. Может, ей таблетку дать?

Для меня это как контрольный выстрел в голову. Сразили наповал. Я всегда теряюсь, когда приходится объяснять элементарные вещи, например, что я не имею ни малейшего понятия о том, что сейчас происходит с их собакой.

Причин, по которым она скулит, может быть огромный воз и несколько вагонов в придачу. Например, у собаки болит живот после родов, есть разрывы органов, остались neroждённые щенки или последы, которые теперь загнивают; начинается мастит, потому что пришло молоко, а кормить некого – молочная железа разбухает, и от этого собаке очень больно. А возможно, у неё эклампсия – болезненные сокращения мышц, судороги из-за нехватки кальция; развивается это опасное состояние как раз после родов. Собака может беспокоиться и искать своих щенков. В конце концов, болезненное состояние может быть вовсе не связано с родами.

Так скажите мне, пожалуйста, какую таблетку я должна посоветовать?

Любому врачу – хоть человеческому, хоть звериному – прежде чем назначить лечение, надо осмотреть пациента, собрать анамнез, провести необходимые исследования. Толь-

ко тогда можно поставить диагноз. А люди думают, что я из вредности не хочу лечить дистанционно.

Гуманисты

– Помогите! На улице люди оставили щенков. Себе взять не могу, у меня дома собаки и кошки.

Я смотрю на часы. Время двадцать два сорок пять, для меня это практически ночь. Бездомных щенков на улицах нашего города очень много. И что я должна сделать вот прямо сейчас, в ночи? Побежать спасать мир? Нет, ребят, это так не работает. Я всего лишь врач. У меня дома тоже кошки и собаки. Я не занимаюсь спасением мира, я просто лечу зверей.

***

В моей рабочей комнате разрывается телефон.

– Здравствуйте, это приют? Срочно пришлите бригаду, надо спасти котёнка.

– Здравствуйте, я не приют, я просто там работаю. Какую бригаду вам прислать и зачем?

– Котёнок, наверное, бездомный. Сидит на дереве и плачет. Он не может слезть. Приезжайте, заберите.

– У нас нет никакой бригады. Позвоните в МЧС. Мы не снимаем котят с деревьев.

Звонившая женщина долго ругалась: как же так, никто не хочет приехать и достать с дерева котёнка. Понимаю, ситуация неприятная. Но не мне же залезать на это дерево. Я

упаду ещё до того, как доберусь до котёнка. Грохнусь на землю, напугав всех в округе. И придётся спасать уже меня, а про кота все забудут.

***

Или вот ещё, очень похожее:

– У нас во дворе мужчина избивает собаку, приезжайте.

Человек увидел из окна жестокую сцену. Ему надо, чтобы срочно кто-нибудь приехал. А он запасётся попкорном и будет наблюдать за происходящим с безопасного расстояния. Но в таком случае почему бы не вызвать полицию?

Господа гуманисты, если вы наткнулись на тех, кто нуждается в помощи и хотите им помочь, так помогите. Только сделайте это сами, а не чужими руками. Лишь в этом случае галочка на карме пойдёт в зачёт.

Пора перейти к настоящим героям книги – моим безмолвным пациентам. Собаки и кошки – две параллельные вселенные; в приюте они не пересекаются, вот и в книге я их развела по разным главам. Каждая глава начинается общим рассказом о жизни собак и кошек в приюте. А дальше вас ждут истории животных. Я помню всех своих пациентов, хоть и не у всех были имена. В «Записках» остались самые яркие случаи из моей практики. Но это не просто врачебные кейсы. За каждой историей стоит уникальный харак-

тер и непростая судьба моего четвероногого персонажа.

Глава вторая

СОБАКИ

Какие они

По моим наблюдениям, собаки, живущие в приюте, делятся на две категории. *Дикари* боятся людей и всего нового, всего того, что находится за дверью вольера и небольшой территории, где их выгуливают. Эти собаки – дички не в первом поколении. Это щенки дикарей, спасённые волонтерами и оставленные в приюте. Это почти каждый щенок, выросший в приюте и не получивший нормальной социализации.

Видя трусливую собаку, вжимающуюся в пол, люди горестно вздыхают и делают вывод, что бедняжку били в детстве. Нет, это не так. Трусость – генетическая характеристика. Каждый заводчик это знает, только далеко не каждый это говорит, придумывает другие слова: собака не трусливая, а застенчивая, робкая, стеснительная. Только сути это не меняет.

Трусость в природе – залог выживания. Трусливый детёныш – живой детёныш. Он не засунет свой любопытный нос куда не следует, вовремя избежит опасности, не попадёт под машину или в руки живодёров, а значит, вырастет и даст потомство. Поэтому все бродячие собаки и очень многие дворняжки трусливы от рождения.

Сейчас я вам открою один секрет, за который меня, скорее всего, возненавидят волонтеры приюта и зоозащитники. Потому что при пиаре собак они всегда давят на жалость,

пишут: «Посмотрите на эту бедную несчастную собаку, как она поджимает от страха хвостик! Её в детстве обижали люди, били. Но если вы подарите ей частичку своего тепла, то от вашей любви её сердечко оттаяет, и она станет самым верным и преданным другом!»

Не верьте, это так не работает. Трусливая собака – не Кай из сказки о Снежной королеве, никто ей сердце не замораживал. Гены, отсутствие социализации в раннем детстве и не самые лучшие условия жизни в приюте сделали её такой.

Если вы решили взять дичка, знайте: одной любви недостаточно. Чтобы наладить нормальную жизнь с такой собакой, потребуется много сил и труда. Промучаетесь минимум год, а дальше – как повезёт.

Означает ли это, что не надо брать собак из приюта? Во-все нет. Берите, если хотите. Только трезво оценивайте свои силы.

В категории дикарей существует подтип – *агрессоры*, нападающие как на других собак, так и на людей. Они мало напоминают дрожащую собачонку с поджатым хвостом. Но агрессия – это вариация на тему трусости. Хотя почти все дикие собаки боятся людей, при необходимости они готовы зубами и когтями защищать свою жизнь.

Злобные, кусачие дикари создают нам в приюте массу проблем. Они дерутся с другими собаками. К ним невозможно подойти, чтобы пристегнуть поводок, выгулять, сделать прививку и обработать от глистов. Если дикарь заболит, ме-

ня он к себе не подпустит. Мы бы и не брали таких собак, но нам привозят их на стерилизацию и кастрацию после отлова – надо же как-то регулировать численность собачьего поголовья. А после мы их выпускаем обратно «в природу». Конечно, это тоже не выход, но другого у нас нет: лично я не хочу быть камикадзе.

Врезка: Почему в Европе все собаки добрые?

В западных странах собак очень строго отбирают по поведению. В приютах проводится обязательный тест: по нему судят, есть ли у собаки склонность к защите ресурсов и к агрессии. Если есть, усыпляют без разговоров. А если домашняя собака показала признаки агрессии, её тоже могут подвергнуть эвтаназии, потому что благополучие людей ставится выше жалости к животным. И так много лет подряд. Вот и получается, что агрессивным собакам там просто неоткуда взяться: к размножению допускаются только самые добрые и лояльные к людям и сородичам особи.

Собак второй категории в приюте гораздо меньше. Мы их называем *бывшедомашними*. Они сильно отличаются от настоящих дикушей: тянутся к людям, умеют ходить на поводке, с удовольствием берут лакомство из рук, многие умеют играть с игрушками. То есть эти собаки жили когда-то рядом с человеком как обычные домашние любимцы.

Но потом что-то произошло. Что же? Как они все оказываются на улице?

Бывает по-разному: теряются, убегают, их «забывают» на дачах после окончания сезона, а иногда просто выкидывают. Чаще всего так поступают с дворняжками. Породистые собаки оказываются на улице гораздо реже, и их чаще ищут владельцы.

Почему же люди, которые завели беспородную собаку, так легко от неё избавляются? Я думаю, что одна из причин – обман при покупке щенка.

Изначально редко кто из людей ориентирован на дворняжку. Обычно выбирают породистых. Смотрят картинки, читают описание, думают, какая собака больше подойдёт: большая или маленькая, пушистая или с короткой шерстью, добрая или с задатками охранника.

А потом будущие владельцы начинают искать щенка. И на этом этапе многие совершают большую ошибку. Они видят цены в питомниках и думают: зачем нам такой дорогой щенок? Нам же не для выставок, нам просто для дома, для себя, можно и попроще. Заходят на торговые сайты, ищут объявления по продаже живности. Там под видом породистой собаки им продают двортерьера. И ведь верят! А расплачивается за ошибку пёс, которого выкидывают из дома.

Бывшедомашней собаке тяжело выживать на улице, и приют становится для неё настоящим спасением. Именно таких собак чаще забирают от нас. С такой собакой в новом

доме меньше всего проблем, она быстро адаптируется и легко привыкает к новой семье.

Жизнь собачья, или Не верьте мифам

От новых владельцев наших собак я слышу разные заявления о приютском прошлом их питомцев. И со многими категорически не согласна. Сейчас развею некоторые из этих заблуждений.

Миф №1. Зимой приютским собакам приходится есть снег, в приюте ведь нет воды. Вот и моя собака по привычке лижет снег на улице.

Да, зимой с водопоем возникает серьёзная проблема. И не потому, что нет воды. Вода в приюте есть, но на улице в мороз она замерзает. Собаки живут в вольерах, и, даже если наливать им воду, она мгновенно превращается в лёд. Дежурные выходят из положения – наливают тёплую воду в большие вёдра и меняют её дважды в день. Так собаки успевают напиться.

А снег любят жевать любые собаки, включая домашних. Видимо, что-то вкусное в нём есть. Так что это не вредная привычка, оставшаяся после приюта.

Миф №2. Собаки в приюте живут впроголодь. Потому-то и моя худая – все рёбра наперечёт.

Я не знаю, как обстоят дела в других приютах, но у нас собаки едят досыта. Они не голодают. Другое дело, что корм низкого качества и не всем подходит. Но если собака нормально его переваривает, то зачастую начинает набирать вес,

превращаясь в кабачок на ножках, особенно зимой, когда добрые дежурные подкладывают им добавки. Приходится урезать рацион, и к лету «кабачки» немного худеют.

Некоторые собаки от природы стройные и поджарые, как скаковые лошади. Другие худеют, потому что много бегают и плохо усваивают корм, что объясняется их чрезмерной возбудимостью; к таким нужен индивидуальный подход. Но сказать, что в приюте собак недокармливают, нельзя.

Миф №3. Хорошо, что есть волонтеры, которые подкармливают бедных животных едой, принесённой из дома, иначе те бы совсем отощали. Недаром самый сладкий звук для моей собаки – шуршание целлофанового пакета.

На самом деле волонтерам не разрешается самостоятельно кормить собак едой, принесённой из дома. Я давно борюсь с этим по одной простой причине: люди несут прокисшие остатки со своего стола, кости и объедки, а от такой еды собаки только болеют. Прорвётся добряк мимо строгого взора дежурных, накормит собак чем ни попадя, а потом я лечу понос и рвоту.

А на шуршание пакетика реагируют только домашние собаки. Потому что владельцы всегда носят на прогулку лакомство именно в целлофановом пакете. И практически любая домашняя собака знакома с этим звуком и предвкушает после него вкусное угощение.

Миф №4. В приюте вся территория заасфальтирована. Вот почему даже под толстым слоем снега моя собака найдёт

траву и будет жадно её есть.

Во-первых, нельзя сказать, что территория приюта сплошь покрыта асфальтом, где не растёт ни травинки. А во-вторых, в приют каждый день приходят волонтеры, чтобы вывести собак на прогулку. Конечно, выходят за ворота далеко не все. Но те, кто худо-бедно способен ходить на поводке, регулярно гуляют в лесу точно так же, как и любая домашняя собака.

А траву любят многие. Вкуснее всего для собак молодые зелёные кончики травинок, в небольшом количестве это для них изысканное лакомство. Мои личные собаки, приезжая на дачу, особенно весной, превращаются в жвачных животных и с удовольствием обгрызают молодые побеги.

Но жадно и в больших количествах собаки поедают траву, когда чувствуют неприятное жжение в желудке, например при гастрите с повышенной кислотностью: трава вызывает рвоту, что на короткое время облегчает состояние. Но в любом случае речь идёт о свежей зелёной траве. Собаки не выкапывают пожухлую траву из-под снега, они не едят сено – они же не лошади.

Миф №5. Собаке в приюте приходится спать на голых досках, поэтому моя, попав в дом, сразу же с удовольствием бежит на мягкий матрасик.

В приюте дежурные стелют в будки сено или солому. Раньше старались использовать мягкие матрасы, тёплые одеяла, но собаки их разрывали на мелкие кусочки в первый же день.

И спокойно спали на голых досках!

Чаще всего собаки это делают по собственному желанию. Для примера приведу двух моих собак.

Старшая, бордер-колли Баста, запрыгивает на диван довольно редко и чаще всего для того, чтобы я почесала ей за ушком. А ещё она всегда по утрам будит меня таким образом: заберётся на кровать и дышит мне в лицо, пока не проснусь. Тогда она радостно соскакивает на пол, хватается за игрушку и треплет её с грозным рыком: хозяйка проснулась, собака счастлива, потому что скоро будет подан завтрак. Так вот, спит Баста всегда на голом полу. Она не приходит для сна ни на диван, ни на кресло, ни на свою мягкую лежанку. Когда в квартире отключили отопление и на улице ударил мороз, у нас дома было очень холодно, а полы стали совсем ледяные. Я испугалась за собачье здоровье. Пришлось идти в магазин и покупать ковры в обе комнаты. Думаете, теперь Баста спит на ковре? Нет, она укладывается в небольшое пространство между ковром и стенкой и по-прежнему спит на полу. Потому что ей так больше нравится.

А вторая моя собака, маленькая китайская хохлатая Фиона, спит только на мягком диване, да ещё при первой же возможности голову уложит на подушку. В приюте она не жила, «криминального» прошлого не имеет. Просто ей нравится спать на мягком.

Миф №6. Приютская собака не умеет играть с человеком, игрушки её не интересуют. Поэтому и моя собака со мной

не играет.

Это справедливо лишь для собак, выросших без участия людей. Такие собаки действительно никогда не играют. Они не понимают, что такое игра, и научить их этому почти невозможно. Для бывшедомашних всё индивидуально, да и многие подросшие домашние собаки не играют, просто не любят: у них другие интересы в жизни, и это нормально.

Миф №7. В приюте собаки заперты в четырех стенах. Поэтому на прогулке мой пёс, взятый из приюта, слишком активно всё обнюхивает. Он как слепой, который прозрел и открыл для себя мир – так много запахов свалилось на беднягу.

Многие наши собаки действительно скучают в четырех стенах. Но желание всё обнюхивать свойственно всем собакам. Причём кому-то больше нравится играть с хозяином, а кто-то в душе испытывает страсть к исследованию новой территории, к изучению запахов. Первая собака будет весело прыгать вокруг вас и играть с палочками, а вторая носа от земли не оторвёт.

Но есть ещё нервное обнюхивание. Когда собака труслива, ей необходимо всё держать под контролем, и тогда она постоянно озирается по сторонам, всё вокруг нюхает, нюхает, нюхает – и не может остановиться. Её очень трудно вывести из этого состояния, переключить на другую деятельность, на взаимодействие с хозяином.

Трусливая собака может попасть к вам не только из приюта. Трусость, как я уже сказала, это врождённая характе-

ристика. Да, в приюте трусов подавляющее большинство, но и среди обычных домашних собак их немало.

Миф №8. В приюте собаки часто дерутся, сильные задирают слабых. Поэтому и моя собака боится чужих собак. Видимо, в приюте её часто обижали.

Да, драки между собаками в приюте – обычное дело. Но очень многие домашние собаки боятся других собак, не хотят с ними общаться, убегают или, наоборот, набрасываются и отгоняют от себя. А вообще, каждая взрослая собака имеет полное право не хотеть общаться с каждым встречным собратом, и это совершенно нормально. Вы же проходите мимо чужих людей. А я некоторых ещё и побаиваюсь, особенно если встречу с ними в тёмном переулке.

Миф №9. Собака из приюта – чистый лист. Она не знает команд, не умеет ходить на поводке, но быстро всему учится.

Это, к сожалению, миф, который поддерживают многие волонтеры, пристраивающие собак.

В приюте, действительно, воспитанием собак практически никто не занимается. Но это не значит, что собака из приюта – чистый лист.

Чистый лист – это двухмесячный щенок. Да и то с оговорками: на него сильно влияет генетика, заложенная десятками предыдущих поколений, особенности внутриутробного и раннего развития. Чистый он только в плане воспитания и дрессировки. Взрослая же собака всегда несёт за плечами мешок самых разных привычек, почти всегда вредных с на-

шей точки зрения.

Взрослую собаку надо не учить, как малыша, а переучивать. Это нужное и важное занятие, и оно всегда более сложное, чем обучение с нуля.

Приют – дом – приют

Мы всегда радуемся, когда наших подопечных забирают в семью. Значит, у бывшего бродяги появляется шанс на нормальную жизнь: в теплом и уютном доме, где его окружают заботой и лаской, которые не нужно делить с сотней таких же обездоленных. Где будут собственная миска, и личные игрушки, и своя мягкая лежанка.

Но как бы хорошо ни искали кураторы своим подопечным новых владельцев, как бы придирчиво будущие хозяева ни осматривали выбранную собаку, очень многие животные снова и снова возвращаются в приют. Некоторых берут и возвращают по несколько раз.

Конечно, взять собаку из приюта – это подвиг. Ведь чтобы сделать её домашней и воспитанной, надо потратить кучу времени и сил. Но над воспитанием любой собаки надо потрудиться, и приютские – не исключение.

При этом лишь немногие владельцы честно признаются, что просто не справились с собакой, а рассчитывали взять сразу «готовый продукт» – умного преданного друга. Но так не бывает. Любую собаку надо сделать своим другом, вложив в сотрудничество, в доверие и преданность силы и время. Собака не будет послушной и благодарной только из-за того, что вы забрали её к себе домой. Пройдёт время, прежде чем она признает в вас единственного и неповторимого хозяина,

которого она полюбит всей своей собачьей душой.

Многие люди этого не понимают и сваливают вину на своих хвостатых, иногда приводя такие причины, что остается только удивляться.

***

Женщина на том конце провода сразу начала с претензий:

– Вот раньше у меня все собаки были умные. А ваша такая тупая.

– А вы её учили чему-нибудь? Что вы вообще сделали, чтобы она умная была?

– А что с ней делать? Другие мои собаки сразу умные были!

***

Мужчина и женщина пришли за консультацией.

– У нас проблемы с собакой, в будку не заходит, а на улице холодно – боимся, замёрзнет.

– А что за собака? Давно у вас живёт?

– Да нет, недавно. Мы её неделю назад у вас взяли, теперь вот обратно привели.

– Потому что в будку не заходит? Так за неделю она ещё не привыкла. Может, она боится этой будки, может, запах неприятный чувствует. Неужели для вас это повод отказаться от собаки?

Говорю, а сама вижу, что люди на меня не смотрят, пере-

минаются с ноги на ногу, глаза – то в землю, то в сторону. Постепенно до меня стало доходить: не нужна им моя консультация, не хотят они собаку ни к чему приучать.

– Скажите прямо: вы хотите научить собаку заходить в будку или просто она вам больше не нужна?

– Не нужна, мы хотим вернуть её назад.

– А можете объяснить настоящую причину?

– Она слишком добрая, всех любит, хвостом виляет.

А нам нужна злая, для охраны.

***

А бывает, человек приводит собаку, оставляет её в вольере и почти не общается с ней. А потом удивляется – она почему-то убежала. Подкоп сделала – и тикать от новой сладкой жизни. Но от хорошего хозяина собака не убежит.

***

Конечно, далеко не все новые владельцы такие. Очень много хороших, добрых, заботливых, ответственных людей. Но всё плохое в нашей жизни, как пузырь из дрожжевого теста, выпячивается и лезет наружу.

Отвергнутые собаки очень тяжело переносят возвращение. Отказываются от еды, сидят неподвижно и смотрят в одну точку. Наверное, похоже чувствует себя ребенок, которого усыновили, а потом вернули обратно в детдом. Больше всего страдают взрослые животные, особенно если они уже

привыкли к новому дому. После нескольких возвратов собака перестаёт привязываться к людям и уже не доверяет никому.

Приют – улица

В нашем регионе действует система ОСВВ, слышали про такую? Сейчас расскажу. ОСВВ – отлов, стерилизация, вакцинация, выпуск. Специальная служба отлавливает бездомных собак, стерилизует, чтобы они не плодились, вакцинирует против бешенства и выпускает в среду обитания. С одной стороны это гуманный подход к работе с бродячими собаками: их не убивают, а контролируют рождаемость, и в перспективе их становится всё меньше.

Теория прекрасная. Собака после стерилизации и вакцинации возвращается в свою стаю и мирно живёт там до глубокой старости. Нет собачьих свадеб, нет щенков, нет охраны логова, нет лишних драк. Медленно, но верно число бродячих животных снижается само собой. Гуманность, прописанная в законе зоозащитниками.

Но на практике мы имеем совсем другую картину, далеко не радостную. Число бездомных животных не уменьшается, потому что их бесчисленную армию ежедневно пополняют щенки и домашние собаки. Чтобы это изменить, возможно, понадобится учёт, запрет на бесконтрольное размножение и введение ответственности за отказ от собаки. Но ситуация не прекратится, пока у людей не изменится отношение к животным, не появится культура содержания собак. Боюсь, что нашему обществу до этого ещё очень далеко.

Поддерживает существование бродячих собак в огромном количестве наличие кормовой базы. Если есть еда в свободном доступе, то обязательно найдётся тот, кто её съест. Если мы изыдем из городской экологической ниши всех бездомных собак и кошек, на их место придут крысы – тоже не самый приятный для людей сценарий. Значит, как ни крути, людям надо начинать с себя. Повышать культуру поведения, учиться утилизировать мусор так, чтобы он не был раскидан по улицам ровным слоем.

Но и это не всё. В системе ОСВВ есть ещё одно слабое звено. Отлов собак в нашем регионе – это просто бизнес. Люди зарабатывают деньги за каждую пойманную собаку, но при этом видно, что про самих собак совсем не думают. Дикие собаки, которые регулярно приносят потомство, остаются вне досягаемости: охотиться за ними, выслеживать их никому неохота. Поэтому ловят ручных, тех, которые сами к людям тянутся, – бывшедомашних. Кастрируют (стерилизуют), привьют, повесят на ухо бирку и опять выкинут на улицу.

Осенью, провожая ребёнка в школу, я каждое утро встречала одну из таких собак. Худая, длинноногая, похожая на подростка, с короткой постоянно мокрой чёрной шерстью, а в ухе ярким жёлтым огоньком горит бирка ОСВВ.

Чёрная бродяжка подбегала к каждому школьнику, заглядывала в лицо и стеснительно виляла хвостиком. Кто-то её не замечал, шёл мимо своей дорогой, кто-то шараялся в сторону. Некоторые ласково разговаривали, иногда даже глади-

ли по голове. Но собака была явно трусовата и старалась избегать протянутых рук.

Около двух недель она жила возле школы, а потом пропала. Хочется надеяться, что нашёлся добрый человек, который забрал её домой.

***

Меня не оставляют смутные подозрения, что весь этот выпуск в так называемую среду обитания – не самое лучшее, что можно сделать. Точнее, это вообще какая-то ерунда. Какая среда обитания может быть у такой собаки? Она всё-таки не дикое животное, она не волк и не лиса. Её среда обитания – возле людей, в городе и окрестностях. Но чем ей там питаться? Где находить себе еду и место для сна и отдыха?

Бездомные собаки либо попрошайничают, либо питаются на свалках, но для этого они должны быть лояльны к людям и не представлять опасности. Встретиться с огромной голодной полудикой собакой в темной подворотне мне бы очень не хотелось. К тому же любые бездомные животные в городе – потенциальные разносчики инфекций.

Самая страшная из них – бешенство. Статистика по Центральному региону России неблагоприятна. Заражаются, болеют и умирают даже люди.

Выпуская собак на улицу, даже после стерилизации, мы обрекаем их на голодное, полное опасностей существование и подвергаем риску окружающих людей. Тогда зачем это

нужно: ловить, стерилизовать и выпускать?

Я категорически против такого подхода к решению проблем бездомных собак. Безнадзорных животных в цивилизованном городе быть не должно. Ни диких, ни злых, ни добрых, ни стерилизованных – никаких. Собаки не должны болтаться по городу в виде бродячих стай. Они не должны мёрзнуть зимой, ища укромные места, и спать на снегу, свернувшись в клубок и дрожа от холода. Они не должны подвергаться в лесах нападению диких зверей, где хозяйничают волки, которые обычно съедают собак. Они не должны умирать в страшных муках на обочине, сбитые машиной. Они не должны голодать и страдать от хронических болезней и паразитов, которые тоже их убивают, медленно, но неотвратно. Их щенки не должны становиться объектом издевательств живодёров, попадать на обед бомжам, массово гибнуть под колесами машин и от энтерита.

Собака – одомашненное животное, её место рядом с человеком, который заботится о ней и несёт за неё ответственность.

Врезка: Что делать, если вас укусила бездомная собака?

В первую очередь остерегайтесь бешенства. Не пытайтесь определить болезнь «на глаз», это бессмысленное занятие. У собаки с улицы не спросишь отметку в ветпаспорте – считайте, что прививки у нее нет. Сразу же об-

ражайтесь в травмпункт, где вам окажут первую помощь, введут препарат против столбняка и начнут делать уколы против бешенства. Обязательно пройдите полный курс инъекций! Помните, что бешенство – неизлечимая болезнь: если начались клинические симптомы, помогать уже поздно. А самый лучший вариант – просто не допустить укуса. Никогда не подходите близко к собаке, тем более не наклоняйтесь и не тяните к ней руки.

Блэк. Гонки по вертикали

Я не знаю, как он попал в приют, но ясно одно: раньше Блэк был домашним псом. Чёрная лаковая шерсть, спокойный взгляд умных глаз и поведение, как у настоящей овчарки. Казалось, он только и ждал приказаний, чтобы сразу же исполнить волю хозяина.

Но гуляли с Блэком редко. Слишком он был большой, справляться с ним на поводке было трудно. Поэтому основная его жизнь проходила в вольере. Четыре стены, три шага в длину, два в ширину. И будка.

Блэк был уже немолодым; зубы давно стёрлись, морда поседела, но здоровья и сил – через край. Я редко с ним общалась; лишь для того, чтобы обработать от глистов, от блох и сделать прививку. И каждый раз чёрная гора с блестящей шерстью ласково подставляла бока для почесушек. Абсолютно ручной и доверчивый пёс.

Несколько месяцев я была занята другими делами, и Блэк выпал из моего поля зрения. Но как-то раз при утреннем осмотре собак я обратила внимание на Блэка. Он очень изменился. Похудел, глаза впали, и взгляд стал насторожённый, как у загнанного в угол зверя. Шерсть уже не блестела и была похожа на пыльный мешок.

– Что случилось с Блэком? – спросила я у дежурных. – Почему он так изменился?

– Не знаю, он ест нормально, поноса нет, но почему-то худеет.

Наташа всегда очень внимательно следит за собаками, и я доверяю её мнению. Но с Блэком явно был непорядок, и я решила понаблюдать за ним.

И вот однажды, когда я была на территории собак, но в дальнем углу, увидела, как Блэк реагирует на всеобщее возбуждение.

Если другие собаки истерично лаяли, то он молчал и просто бегал по вольеру. Но круги, которые он нарезал с безумной скоростью, были вертикальные. Блэк запрыгивал на будку, с неё – на стену, отталкивался, приземлялся на пол и снова взлетал, как акробат на трамплин.

И так круг за кругом, без передышки, не останавливаясь, как заведённый. Он прыгал, прыгал и не мог остановиться. Пасть открыта, язык вывален, изо рта пар, бока вздымаются, как у загнанной лошади, а пёс всё продолжает свой безумный бег.

Я зашла в вольер, и только тогда он смог остановиться. Встал, расставив передние лапы, и всё никак не мог отдышаться. Я погладила его бок. Рёбра впились мне в руку.

«Что же ты с собой делаешь? – думала я. – Глупый ты пёс, ведь так нельзя, ты же себя совсем загонишь».

– С Блэком дела очень плохи. – Я подошла к директору приюта Нине Ивановне. – С ним надо срочно что-то делать. У него самая настоящая стереотипия, из-за которой он до-

водит себя до изнеможения.

– Что с этим делать? Это лечится?

– Да, надо убрать стресс и изменить условия жизни. Лучше всего пристроить, чтобы у него появился хозяин.

– Ну, пристроить его некуда, и от стресса мы ему тоже ничего не найдём. Может, ему пустырник подавать?

– Нет, если бы пустырник решал такие проблемы, это была бы сказка, а не жизнь.

На тот момент мы не смогли придумать, как изменить жизнь Блэка. Он был немолодой, около восьми лет, к тому же крупный. Его пиарили давно и безнадёжно – ни одного звонка, ни одного желающего взять домой такую собаку.

А сам Блэк продолжал свои гонки по вертикали. Как только одна собака начинала лаять, общий гомон прокатывался волной по всем вольерам, а Блэк начинал свой бег по кругу.

Он совсем исхудал; из-за перхоти, покрывавшей всё тело, выглядел не чёрным, а серым, как дикий волк, припорошенный снегом.

Я опять пошла к директору.

– Блэка надо спасать, он так долго не продержится.

– Хорошо, что ты предлагаешь? Давай только конкретно и по пунктам.

– Во-первых, надо подавать ему курсом успокоительное. Только не пустырник, а другой препарат, более эффективный. Во-вторых, надо следить, чтобы его брали на прогулку за ворота каждый день. А чтобы он сильно не тянул, надо

купить ему халти – недоуздок – тогда с ним справится даже ребёнок. И самое главное, перевести его на открытую территорию: ему нельзя находиться в четырёх стенах.

Нина Ивановна ненадолго задумалась и согласилась. Мы перевели Блэка на новую территорию и стали наблюдать. Здесь собаки жили по-другому. Днём они свободно гуляли по довольно большой поляне, отдыхали на поддонах, валялись на травке, бегали друг за другом. А на ночь их закрывали в вагончике, они спали там на матрасах, тесно прижавшись друг к другу.

Жизнь у этих собак была райская. Но мы боялись драк. Если Блэк начнёт с кем-то выяснять отношения, то нам придётся вернуть его в вольер. Затаив дыхание, мы с Ниной Ивановной ждали, чем кончится наш эксперимент.

Он хоть и кастрированный, но всё же кобель. А вдруг захочет помериться силой с кем-нибудь из местных жителей?

Вот он подошёл к одной собаке, обнюхал её, повилял хвостиком и отошёл. Потом подошёл к другой, третьей – уже почти без интереса. Блэк не хотел не то что выяснять с кем-то отношения, он вообще не хотел ни с кем общаться. Услышал, как на вольерах залаяли собаки, отошёл в угол загона и начал привычно ходить по кругу, периодически подпрыгивая. Но здесь не было будки, и забором служила сетка-рабица, от неё не оттолкнёшься.

Блэк, как овца, большая вертячкой, ходил и ходил по кругу. Отрешённый от мира, погруженный в себя, он кружился

до тех пор, пока к нему не подошли дежурные.

Мы оставили Блэка жить на новой территории. С ним каждый день гуляли на поводке, выводили за ворота в ближайший лес. Чтобы скоротать послеобеденное время, давали пожевать конг², начинённый вкусным паштетом. С ним чаще общались, чесали его щётками, убирая старую шерсть.

В течение двух недель Блэк ходил кругами, но постепенно делал это всё реже и легче отвлекался. Он начал бегать за мячиком и приносить его дежурным; от двойной порции корма нарастил жирок на рёбрах и потихоньку стал превращаться в прежнего Блэка, довольного жизнью.

А через несколько месяцев он от нас уехал. Большой, уверенный в себе пёс с лаковой чёрной шерстью гордо шагал рядом с новым хозяином.

---

² Игрушка с лакомством, которую собака достаёт во время игры.

Давайте отрежем Пальме хвост

Внешне Пальма похожа на немецкую овчарку: чепрачный окрас, слегка затенённая морда, стоячие уши и длинный хвост. На этом сходство с породистой собакой заканчивается, остаётся одна нервозность. При первом осмотре Пальма постоянно дёргалась, мотала головой, будто её кто-то грыз за нос, выпучивала глаза, как взмыленная лошадь, вздрагивала, и если ей не нравились мои прикосновения, то не раздумывая щёлкала зубами.

Пальму сразу же посадили в отдельную бытовку, потому что она люто ненавидела каждую встреченную собаку. Бросалась с грозным рыком, и никому не хотелось проверять, что будет дальше.

Сидя в бытовке, Пальма продолжала психовать по малейшему поводу. Прошёл кто-то мимо, залаяли другие собаки или, наоборот, стало ей скучно – она начинала метаться из угла в угол, яростно лаять и вгрызаться в стены, вырывая обшивку и утеплитель.

Иногда она вела себя спокойно, а потом вдруг на неё напал приступ истерики – бедняга вертелась волчком, гонясь за своим хвостом, и не могла остановиться.

В приюте многие собаки нервничают, часто лают без причины, суетятся, поэтому на Пальму не обращали особого внимания, просто держали отдельно от других собак, чтобы

не допустить кровопролития. Но через два месяца дежурная Наташа привела Пальму ко мне на осмотр.

– Анна Николаевна, посмотрите у неё хвост.

– А что с ним не так?

Я протягиваю руки к длинному пушистому хвосту, Пальма делает резкий разворот, и её зубы щелкают в двух сантиметрах от моих пальцев. Я отдёргиваю руку, даже не успев понять, что произошло.

– Давайте сначала мордочку ей завяжем. – Наташа сама не ожидала такой реакции от Пальмы, хотя мы обе знаем, что эта собака кусает без предупреждения.

Бинт фиксирует кусачие челюсти лучше любого намордника. Один узелок сверху морды, второй узелок под мордой, потом заводите ленты за уши и завязываете на бантик. Теперь можно внимательно осмотреть хвост. Я аккуратно беру его в руки. Пальма рычит и извивается змеюкой, но Наташа крепко её держит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.